В ТРУДЕ И В БОЮ С ОТЦАМИ В СТРОЮ

С 8 ПО 11 СЕНТЯБРЯ В МОСКВЕ ПРОХОДИЛ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЁТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ТУРИСТСКОГО ПОХОДА ПО МЕСТАМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ, БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. ЛЕНИНА

Пионерская ПРАВДА

Год издания 42-й
№ 73 (5032)

★ Вторник, 13 сентября 1966 г. ★ Цена 1 коп.

ВЕЧНО ЖИВЫЕ. Фотоэтюд Я. ШАХНОВСКОГО и В. ГУСЕВА.

Здесь, на Красной площади, у священных стен Кремля, мы, внуки тех, кто штурмовал Зимний, дети сокрушивших рейхстаг, от имени нашего поколения сердцами своими присягаем на верность делу Ленина, делу партии, делу Октября!

Партия дала нам вечный огонь — ленинизм. С партией Ленина наш народ сорвал оковы рабства, с партией Ленина он построил новый мир — Союз Советских Социалистических Республик.

Рабочей правдой, не сломленной кандалами и каторгой,

свободой, восставшей на баррикадах,

кровью, пролитой комиссарами,

клянёмся, что вечно будет в наших сердцах огонь ленинизма, огонь борьбы, огонь революции!

КЛЯНЁМСЯ!

Принимая твою славу, Родина, мы будем крепить и умножать твоё величие, вдохновенным трудом, кипучей энергией молодости созидать будущее.

Мужеством первых палаток,

трудовой гордостью,

комсомольской честью клянёмся отдать свои силы во славу и могущество нашей Отчизны!

КЛЯНЁМСЯ!

Отсюда, с Красной площади, уходили на смертный бой наши отцы. Здесь, к подножию Мавзолея, были брошены знамёна поверженного фашизма.

Святостью братских могил,

сединами матерей наших,

радостью победы клянёмся быть достойными бессмертия отцов и по первой тревоге, под овеянными славой знамёнами, пойти в бой и победить!

КЛЯНЁМСЯ!

Из уст отцов, из рук отцов мы приняли «Интернационал», классовую солидарность. Мы и сегодня в интернациональных бригадах. Фашизм не пройдёт! «Нет» — агрессорам! Долой колонизаторов! С Интернационалом воспрянет род людской!

Памятью коммунаров и скорбью Пискарёвского кладбища,

безмолвием Хиросимы и набатом Вьетнама, именем дружбы и солидарности

клянёмся неустанно бороться за правое дело трудящихся!

КЛЯНЁМСЯ!

Молодостью своей клянёмся тебе, товарищ партия, быть верными делу коммунистов! Наше поколение никогда не свернёт с ленинского пути! Каждым ударом сердца, каждым прожитым днём, всей жизнью своей клянёмся утверждать на земле коммунизм!

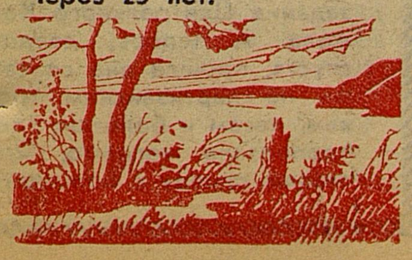
КЛЯНЁМСЯ!

(КЛЯТВА МОЛОДЕЖИ, ПРИНЯТАЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 11 сентября 1966 года).

БОЕВЫЕ ТРОПЫ...

(Походная песня отряда красных следопытов 717-й московской школы. Слова Димы Белухина).

Тёплый дождь моросит
По притоку Днепра.
Небо хмуро глядит
Нам вдогонку с утра.
Мы шагаем давно,
Оставляя свой след,
По дорогам отцов
Через 25 лет.
По тропе у реки
Мы согнувшись идём.
За спиной рюкзаки
Мы устало несём.
Той же тропкой лесной
Четверть века назад
За усталой спиной
Кто-то нёс автомат.
Может, этот песок,
Что под нами хрустит,
Теплоту его ног
Эти годы хранит?
Может, эти цветы,
Что поникши стоят,
Точно так же цвели
Четверть века назад?
В наших кедах вода,
Тёмный лес под дождём.
Не забыть никогда
Дней походных потом.
А сейчас мы должны
Обойти целый свет
По дорогам войны
Через 25 лет.



ДОРОГИЕ ребята! Вам пишут пионеры первого гвардейского отряда разведчиков боевой славы семьдесят первой школы имени Н. А. Островского города Киева. Помните, вместе с вами на месте боёв, которые вела вторая гвардейская Таманская дивизия, в развалинах дома мы нашли тевтонский меч? Сейчас дорога похода привела нас в Москву на второй Всесоюзный слёт победителей похода разведчиков боевой, революционной и трудовой славы советского народа.

Мы пишем вам из палаточного городка. Ветер колышет парусину палатки. Вокруг слышны команды. Городок живёт по-боевому. Недалеко от палаток под маскировочной сетью стоит боевой танк, рядом с ним «катюша» и противотанковая пушка. У входа в городок и у штабной палатки — часовые с автоматами. Всё как в гревожном 41-м году на рубежах обороны Москвы.

На главном проспекте — сотни стендов с фотографиями мест боёв, снимками героев. Мы подходили к стендам с ветеранами боёв, Героями Советского Союза, генералами. Многие из них узнали на фотографиях своих боевых друзей, рассказывали о них. А рядом белорусские партизаны пели песни. Казалось, что попали мы на фронт или в партизанский отряд.

А когда Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев открывал слёт, мы все замерли, словно были в настоящем боевом строю. После дождя вспыхнула над головой радуга, зашумели боевые знамёна дивизий, защищавших Москву. Ветераны в орденах передавали их молодым воинам, а потом комсомольцы городов-героев и союзных республик зажгли огонь слёта.

С фронтовыми командирами мы побывали у тех мест, где до сих пор видны окопы оборонительной полосы. У разъезда Дубосеково, где сражались панфиловцы, и в Петрищево, где фашисты казнили Зою. Там в музее на фото мы видели улыбки врагов, улыбки её убийц.

МЫ ПИШЕМ СО СЛЁТА

ШКОЛЬНИКАМ ИЗ ГОРОДА ПРИМОРСКА, ВСЕМ КРАСНЫМ СЛЕДОПЫТАМ

Это звери. Никто из бойцов, погибших в борьбе с ними, не будет забыт! Мы прошли по многим фронтовым дорогам, но будем идти дальше, чтобы над каждой могилой зашумело дерево памяти, чтобы навсегда загорелась над ней боевая красноармейская звезда.

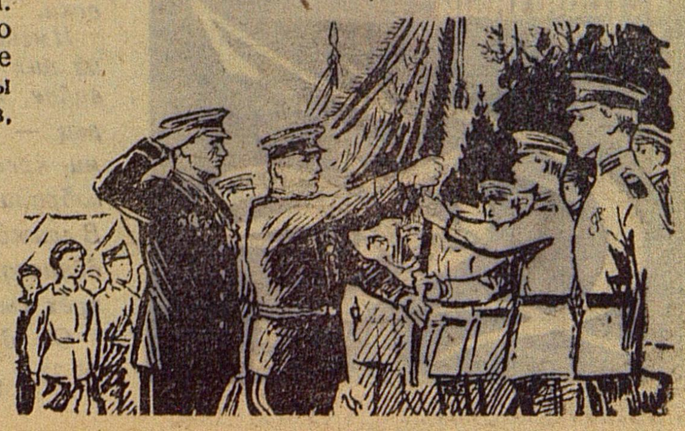
Мы были в дивизии у воинов-таманцев. Их боевое задание мы выполнили. И многим из нашего отряда присвоено звание гвардейцев. Мы знаем, какое это звание! Чтобы завоевать его, бойцы бросались с гранатами на огонь дзотов, шли на «тигров» и «пантер». Это их пробитые пулями каски находили мы в Сенчуковке и на сопке Героев.

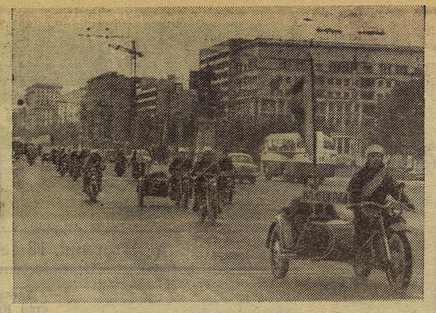
И пусть сейчас не грохочут пушки, молчат доты, мы будем жить так, чтобы иметь право носить на груди замечательный значок с надписью «Гвардия». Чтобы, когда придёт время, ветераны-таманцы могли принять нас в свои ряды настоящими бойцами.

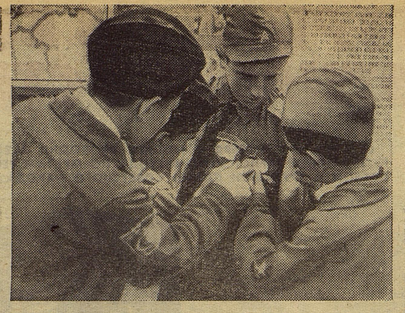
Тевтонский меч мы подарили москвичам. На нём много зазубрин. Видно, враги не раз ходили с ним на русскую землю. Но больше не придут. Рядом с нами комсомольцы Липецка дарят городу-герою крепкий слиток конверторной стали. И, если понадобится, они отольют из неё самое могучее оружие, с которым мы встанем на защиту Родины. У стен Кремля вместе со всеми мы дали клятву верности нашему народу, нашей партии.

Мы равнялись на флаг «Авроры» и знамя Первой Конной. Вместе с тысячами комсомольцев и коммунистов мы пели «Наш паровоз, вперёд лети!» и «Орлёнка». Стояли на трибуне Мавзолея члены ЦК нашей родной партии и правительства, маршалы и космонавты. И вся Красная площадь слышала, как с отцами и братьями мы поклялись: «Клянёмся, клянёмся, клянёмся!»

Первый гвардейский трижды Краснознаменный отряд разведчиков боевой славы 71-й школы имени Н. А. Островского г. Киева.







ПЯТЕРО СМЕЛЫХ

По всей Советской земле рассказывают ветераны младшему поколению о боевых подвигах друзей, об их труде. На всех тропах, по которым идут с поисками миллионы красных следопытов.

Лучшие из отрядов участвовали только что во втором слёте победителей похода разведчиков боевой, революционной и трудовой славы советского народа. Много боевых реликвий привезли они с собой в Москву, поведали о многих открытиях. Сегодня наша газета рассказывает о некоторых из них.

...Они собрались вместе в редакции «Пионерской правды»: ребята — разведчики боевой славы и их старшие друзья — писатель Юрий Яковлев, кинодраматург Оскар Курганов, композитор Ян Френкель, поэт Олег Богданов. Ребята и взрослые рассказывали друг другу, как идут они дорогами героев революции и войны, как собирают строчка за строчкой страницы нашей славы, нашего мужества, нашей победы.

— Я думаю, что мы должны восстановить «карту» боевых порядков частей, защищавших столицу. Как было бы здорово, если бы вы, ребята, взялись за это! — сказал Юрий Яковлев. — Однажды я узнал, что в Ленинграде на бывшем Марсовом поле среди героев революции похоронен девятилетний мальчишка. Мальчик стал героем повести «Мой боевой друг», которую я написал недавно. Я рассказываю об этом потому, что таких героев было много. Сколько открытий ждёт вас, если вы отправитесь по следам их жизни.

...Ребята из 92-й школы-интерната показывают собравшимся фотографии. На одной из них — памятник И. В. Панфилову, поставленный у школы красными следопытами. Третий год дружина собирает материал по истории дивизии имени Панфилова. Пионеры прошли по боевому пути дивизии. Они ездили и на родину героя, и в Киргизию, где до войны работал Иван Васильевич, и в дивизию, носящую его имя.

— Мы мечтаем, чтобы у разъезда Дубосеково была установлена мемориальная доска, — говорят ребята. — Мы обращаемся к пионерским дружинам и отрядам, носящим имя Панфилова, и ко всем ребятам: напишите нам, кто хочет участвовать в сооружении этого памятника на месте подвига 28 героев-панфиловцев. Как-то в книжке «Генерал Панфилов» мы прочитали о том, что у деревни Строково совершили свой бессмертный подвиг 11 сапёров. Мы искали в Строкове место, где сапёры взорвали мост. Но все местные жители говорят, что и до войны моста в Строкове не было. Так выходит, что сапёры моста не взрывали?.. Не подвиг был совершён! Мы нашли этому подтверждение. Километрах в двух от Строкова, вблизи деревни Ефремово, разыскали остатки моста. Хотим теперь подробнее узнать о героях-сапёрах и присвоить одному из отрядов имя их командира лейтенанта Березина.

И в это время ребят взволнованно прервал Оскар Курганов:

— Сохранился ли дом, где погиб Панфилов?

— Нет, но с хозяином дома мы встретились.

Оказалось, что Курганов был в этом доме! Вот что он рассказал:

— В то время я был военным корреспондентом «Правды». И за полчаса до гибели Панфилова мы стояли с ним и с фотокорреспондентом Калашниковым на том самом крыльце, где потом Иван Васильевич погиб.

Участники и свидетели тех героических событий, конечно, тогда не думали, что через 25 лет красные следопыты по крупицам будут собирать историю их жизни. А сейчас всё молодое поколение страны взялось за это прекрасное дело. Работы очень много. У нас мало памятных обелисков, мемориальных досок, которые как-то напоминали бы людям о происходивших здесь героических событиях.

Вместе с писателем Юрием Бондаревым мы работаем над фильмом «Освобождение Европы». И нам тоже приходится быть следопытами. Искать героев, совершивших подвиги и в России, и в странах Европы, освобождавших народы от фашизма.

...Разговор продолжается. Ребята из 126-й школы рассказывают о поисках героев гражданской войны в Крыму, о встречах с кремлёвскими курсантами. Пионеры 233-й школы — о том, как они выполнили задание Комитета ветеранов войны: в Белоруссии разыскали отряд партизан, которым командовал Кузин. Говорили о походных кострах, о том, как в пути рождается дружба.

А потом в зал вошла песня:

По картинкам зачитанных книжек
Через годы шагает отряд.
Комиссары в будёновках рыжих
И в чинёных шинелях до пят...

Эта песня о тех, кто вышел в поход боевой славы. Она так и называется: «Всем, кто идёт». Композитор Ян Френкель рассказал о том, как вместе с поэтом Михаилом Таничем они писали эту песню, как прошли они по дорогам, где воевали.

На прощание кто-то из ребят сказал:

— Эта встреча как привал на марше, и хочется снова отправиться в путь, шагать по дорогам подвигов наших отцов.

На снимке справа — С. О. ГАЛСТЯН.

МЫ ЕЩЁ ВЕРНЁМСЯ...

(Из дневника Иры Селивановой, ученицы школы № 14 Петропавловска-Камчатского).

13 августа. Мы идём в поход на встречу с героями труда. Только как узнать их? Не написано же на лбу у каждого «Герой».

15 августа. С первым замечательным человеком столкнула нас дорога. Шофёр Озерновского СМУ Григорий Трифонович Бурыка десять лет назад прокладывал дорогу на Паужетку.

С 1941 года служил он на мысе Лопатка, участвовал в освобождении Курил от японских захватчиков. Так и остался на Камчатке. Трудно отыскать на стройке человека, который не знал бы шофёра Бурыку.

16 августа. Горы образовали полукруг, напоминающий огромную подкову. Внутри этой подковы — Паужетка.

Земля тёплая. Её согревают горячие подземные воды. Приятно ходить по ней босиком. Быстрее на станцию! На первую геотермальную станцию, которую здесь строят. Уже третий раз пускают турбины вхолостую. Что-то не ладится. И всё-таки люди заставят тёплое дыхание земли дать самую дешёвую в Советском Союзе электроэнергию Озерновскому, Усть-Большерецкому и другим рыбокомбинатам Камчатки!

17 августа. До рыборазвода добрались быстро. Спустились к реке Озерная. На берегу сидит седой человек. Около него штук двести выловленных лососёвых рыб. Он взвешивает каждую, измеряет длину, ножичком соскребает чешую для анализа.

Тогда мы узнали, что Николай Николаевич Беляев больше двадцати лет живёт на Курильском озере, работает на рыборазводе исследователем. Родные его в Москве, а его накрепко привязала к себе Камчатка, не может он с ней расстаться.

До свидания, сказочное ущелье, до свидания, дорогие люди! Мы ещё к вам вернёмся. Может быть, механиками на станцию... А может быть, так же, как учёный Беляев будем наблюдать за нерестом рыб. Мы вернёмся.

г. Петропавловск-Камчатский, средняя школа № 14.

● Форма сурового времени. Девушка-регулировщица направляет колонны на рубежи битвы под Москвой.
● Всесоюзная автомотоэстафета пришла в столицу.
● В комсомольском парке близ села Петрищево участники слёта посадили аллеи Партизанской Славы и Защитников Москвы.
● Дороги подвига. Они и сейчас нелегки. И как награда — память о пройденных рубежах войны: каждый отмечен ме[illegible]лью. Сколько походов совершил Сергей Филипчук, уч[illegible]71-й школы города Киева!

МАТЬ ГЕРОЯ

— Идут! Идут! — Ребята все разом высыпали на улицу палаточного городка. В конце улицы показался Саша Архипов, рядом с ним маленькая худенькая старушка с букетом осенних астр. Это мать Героя Советского Союза лётчика Бориса Окрестина.

Мало кто знал бы сейчас о Борисе, если бы не красные следопыты 65-й минской школы. Они нашли могилу лётчика, стали ухаживать за ней, а когда узнали, что в Москве живёт Пелагея Ивановна, мать Бориса, подружились с ней.

Давно мечтали ребята повидаться с Пелагеей Ивановной. И вот сегодня они пригласили её к себе в палатку, где открыли музей боевой славы. Есть в этом музее и уголок, рассказывающий о Борисе.

Пелагея Ивановна обнимает ребят. Слёзы туманят глаза. Её Боре было всего 20, когда, повторив подвиг Гастелло, погиб он под Минском...

СТАРШИЕ БРАТЬЯ

Как-то днём в Грозном шла передача по телевидению о музее боевой славы школы № 38. Ребята рассказывали о своих находках. Показали и фотографию двух братьев Узуевых — Защитников Бреста. Эту фотографию передал ребятам участник обороны Бреста Ахмед Байтемиров. Вечером в школу пришли два взволнованных человека:

— Мы тоже братья Узуевы! Младшие братья...

25 лет ничего не знали в семье Узуевых о двух сыновьях, пропавших без вести. А ребята устроили встречу этой семьи с Ахмедом Байтемировым, который рассказал, как в Бресте сражались Узуевы, как геройски погибли.

В книге отзывов школьного музея боевой славы появилась ещё одна запись: «...Спасибо!» Листая книгу отзывов на слёте, мы узнали эту историю.

Впервые мы услышали о пяти комсомольцах-подпольщиках от бывшей партизанки К. А. Птушкиной. Тогда совет дружины нашего лагеря снарядил экспедицию в город Верею.

Мы сидим у Надежды Александровны Нечаевой-Масловой. Слушаем её рассказ:

— Враги рвались к Москве. Зверствовали, измывались над людьми. Если кто выходил на улицу после комендантского часа — стреляли без предупреждения. Порасклеили свои листовки, фальшивые фотографии: «Москву взяли, Ленинград взяли!» Разве от такого не станет страшно? А им, ребятам нашим, страшно не было...

...Пять комсомольцев собирали радиоприёмник. Не хватало лампы, за которой ребята не побоялись пробраться ночью в соседнюю деревню. Приёмник спрятали в этажерке, провода провели по стенке, сверху заклеили обоями. «Говорит Москва! Говорит Москва!»

— Ура! — шептали ребята. — Врут фашисты! Москва наша! Ура!

А наутро из дома в дом передавали листочки со сводками Советского Информбюро.

— Вот тут, на этом диване, — говорит Надежда Александровна, — часто сидели наши ребята и вполголоса пели «Катюшу», «Орлёнка». А за стеной были гитлеровцы. Когда они устраивали вечеринки, ребята включали приёмник.

...Их схватили 13 декабря 1941 года. Три дня пытали и расстреляли в лесу.

Мы решили найти это место. На краю оврага стояла большая сосна. За 25 лет сильно изменились эти места, всё заросло лесом и кустарником. Мы пробирались через густую чащу. Искали ту сосну — единственную примету. И нашли. Овраг и сосна.

...Вернулись мы в лагерь. И тут же совет дружины объявил конкурс на лучший проект обелиска. 15 августа мы установили его у старой сосны.

На обелиске высечено:

«Здесь 16 декабря 1941 года фашисты расстреляли комсомольцев-подпольщиков города Вереи Николая Нечаева, Костю Ракова, Бориса Захарова, Николая Конова, Владимира Скворцова».

КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ: Таня Сабгир, Серёга Тер-Миносян, Лена Ходокова, Боря Разживин, В. Жегалова.

Московская область, Малые Вязёмы.

СВЯЗНОЙ «ДИМЫ»

В минском профтехучилище № 25 создали туристическо - поисковый отряд, он прошёл по дорогам партизанской славы. Ребята из училища сумели собрать богатый материал о подпольщиках, действовавших в Минске. Об этом они рассказали на слёте.

Как и у всех следопытов, есть у них свои любимые герои. Например, в партизанском отряде «Дима» был связным Лёня Пучковский. Этот парнишка ходил с костылём, но это не мешало ему быть хорошим разведчиком. Листовки и донесения он прятал в костыле. Сейчас Леонид Пучковский юрист. Многие ребята из училища пишут ему письма... У таких, как он, и учатся они любить Родину.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЁТ

В памятном сорок первом здесь клялись в верности Отчизне идущие в бой солдаты. А сегодня на Красной площади — сыновья победителей. Молодые патриоты пядь за пядью прошли путями отцовского подвига. И они привели их сюда, под знамёна Славы.

НОЧЛЕГ, КОТЕЛОК И КАРТОШКА

Если дорога туристов пройдёт через село Орша Марийской АССР — туристам повезло. Здесь, в средней школе, они найдут тёплый ночлег, дымящийся котелок со свежей картошкой. Оршанские ребята сами заядлые туристы и знают, как важно, если на пути встречается такая хорошая «пионерская гостиница». В это лето оршанцы совершили около 40 походов. В каждом селе у них действует сводный туристский отряд из старших и младших ребят. На слёт они привезли десятки альбомов о походах этих отрядов.

УРОК МУЖЕСТВА

Урока этого в расписании не было, и никто ещё не знал, что через несколько минут произойдёт событие, которое навсегда останется в сердце.

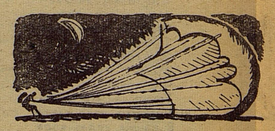
...Мелькали белые фартуки и букеты цветов, алели наглаженные галстуки, во все глаза глядели первоклассники на старшеклассников: «Какие дяди!» Суетились родители, торжественно проживались между рядами взволнованные учителя. Первое сентября!

Неожиданно праздничный гомон прорезал сильный протяжный звук горна, заставил всех оглянуться и мгновенно утихнуть. К школе подходил отряд — ребята в зелёных военных рубашках с яркими эмблемами на рукавах.

Подошли. Выстроились шеренгой.

— Товарищ директор, мы вернулись и рапортуем...

Кто они такие?



Их привела учительница истории Клавдия Александровна Маркова. Та самая Клава Отважная, которую до сих пор помнят в белорусских сёлах. Это она в 1942 году была сброшена с парашютом в партизанском крае. У неё было задание Центрального Комитета комсомола. А теперь, двадцать пять лет спустя, прошла она со своими учениками по партизанским тропам — по рекам, лесам и болотам, где пробиралась, проползала когда-то, чтобы принести людям правду с Большой земли.

Тише, товарищи, тише! Следопыты рассказывают...

Они вошли в лес, когда уже смеркалось. И зажгли костёр. Раньше в пионерском лагере часто сидели у костра, пели песни... Но здесь было не так. Лес как будто говорил, и все прислушивались. У костра с ними сидела учительница Клавдия Александровна. Только они забыли об этом. Перед ними была партизанка Клава. Все смотрели на неё, на пламя, слушали и представляли: идёт война, сидят у сигнального костра связные, ждут...

— Слышь, летит.

Прогудел над лесом стальной посланец, развернулся и исчез в темени, в облаках.

— Домой пошёл! В Москву!.. Теперь встречайте десантника. Костры погасить...

Темень. Шумит бор. Что это? Птица? Хрустнула ветка... Короткий свист.

— Я здесь! Всё в порядке. Немного подвернулась нога...

На руках несли Клаву в партизанский штаб:

— Родная... Отважная!

Жадно расспрашивали о Москве...

Тишина возле школы. Сотни глаз впились в рассказчика: что же дальше? А он достал из кармана письмо:

— Это нам всем. От старой колхозницы Анны Рыбчинской. Её звали партизанской матерью. — И стал читать вслух: — «В тот тяжёлый год не раз я встречалась, ребята, с вашей учительницей. Услышу знакомый стук в дверь, открою, смотрю, не ошиблась ли. Да, это она, моя бесстрашная дочка Клава! Обогрею, накормлю. А она порадует добрыми вестями и снова в путь. Приходилось Клаве одной пробираться ночью глухими лесными тропками. Бывало, придёт измученная, вся одежда мокрая — сухой нитки нет. Просишь: отдохни до следующей ночи. Нет, чуть обсушится и опять в путь...»

Гордо посматривают на всех ребята из седьмого «А»: «Слышали? Это наш классный руководитель! Наша Клавдия Александровна! Подождите, она и нас возьмёт в поход».

Белорусские партизаны помнят «рельсовую войну», объявленную фашистам. Подрыв рельсов и мостов, крушение эшелонов с солдатами и техникой врага, уничтожение железнодорожного оборудования... Особо важным заданием

Клавы было: помогать партизанам в восточных районах Могилёвской области, проводить операцию «Рельсовая война». Вместе с партизанской бригадой однажды ночью она вышла выполнять первый боевой приказ на железной дороге Кричев — Унеча.

Следопыты подошли с Клавдией Александровной к этому месту. Сама она о себе мало рассказывала, больше о товарищах. О её мужестве ребята узнали от заместителя командира партизанского отряда «За Родину» Семёна Пименовича Кабаченко...

...На каждом километре ночью в дозорах — отряды полицаев и фашистов. По тридцати человек и больше, вооружённых автоматами, пулемётами и миномётами. На каждый шорох — град пуль. Отважная Клава с сумкой, набитой взрывчаткой, ползла к железной дороге. За ней — партизаны. Поднималась она всегда первая. Заложит взрывчатку, подожжёт шнур...

Вот она какая — их учительница!

Эти ребята в зелёных военных рубашках не только прошли партизанскими тропами. Они поставили обелиски и укрепили мемориальные доски в деревнях и на местах партизанских лагерей — увековечили память о битвах. Расчистили заросли в глухом лесу и нашли траншеи партизан. Восстановили штабную землянку, положили здесь начало народному музею. А на лугу, возле леса, где их учительница двадцать пять лет назад опустилась с парашютом на белорусскую землю, они провели шесть трудовых «десантов»: убрали сено на трёх с половиной гектарах.

Клавдия Александровна была командиром на этом сенокосе. Говорила: «Смотрите, вот она — земля наша! Травы наши...» Отряд понимал её настроение. Она работала лучше всех. И ребята старались не отставать от своего командира...

Первое сентября. Вроде бы все были здесь, у школы, но отряд следопытов уводил в эти минуты ребят далеко-далеко — так всегда бывает, когда рассказывают что-то значительное, захватывающее.

— Докладываем, что в партизанском лесу мы приняли в комсомол наших товарищей Сашу Хлонина и Надю Лазареву...

В этом же лесу, в трёх километрах от деревни Житнево, вручала Клава в 1943 году комсомольский билет молодому партизану Ване Меренцову. Сейчас Иван Васильевич Меренцов был с ними в походе. Тесно стояли мальчишки и девчонки, глядели на поляну, поднимали головы: какие сосны высокие!

— Смотри-ка, Ваня, — дрогнувшим голосом сказала Клавдия Александровна. — А были ведь совсем малые сосенки.

— Да ведь и мы с тобой, Клава, подросли! — пошутил Иван Васильевич, а у самого стучало сердце, как тогда, в памятный день.

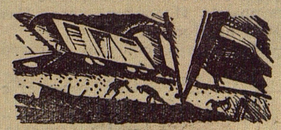
Но больше всех волновался Саша. Всем было заметно: он бледен и как будто даже растерян. Думал ли он, что ему выпадет такое? Это и счастье, и проверка самого себя, и клятва перед таким человеком! Подал заявление, и вот... «Иван Васильевич! А может, я недостоин?» — думал он. Вспоминалось всякое.

— Вот, товарищи, — сказал Меренцов, подходя к Саше. — Здесь сейчас, в этом месте, я хочу дать рекомендацию в Ленинский комсомол. Я верю тебе, Саша! Прошёл ты боевыми нашими тропами, многое узнал, увидел, понял. И я уверен: жизнь твоя будет чистая, как вон тот ручей...

Запомнят сосны и этот день. Запомнят, как обнялись двое. Старший передавал младшему то, чем он жил и дышал: «Люби Родину, люби, как мы!»

...Тишина возле школы. Подровнялись ряды. Никто не замечал времени — шёл урок мужества.

И когда прозвенел звонок, они вошли в школу взволнованные, задумчивые, переполненные разными чувствами. Первоклассники радовались, что будут учиться в школе, где учительница — настоящая партизанка. Не в кино, не в книге, а на самом деле! И может, когда-нибудь они тоже посидят с ней вместе у костра под высокими соснами. Поскорей бы вырасти!



В. ГРАНДОВА.

Москва, школа № 717.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЁТ

С туристами Армении приехали два человека.

Имена этих людей овеяны легендами. Один из них — Смбат Оганесович Галстян. Ещё в войне 1914 года прославился он как храбрец — был награждён четырьмя георгиевскими крестами. В первые дни революции его избрали в Совет солдатских депутатов. В гражданскую он сражался в коннице Будённого. А в 1941 году проводил на фронт трёх сыновей и сам ушёл добровольцем.

Он друг следопытов ленинаканской школы № 23.

У другого друга следопытов — Бениамина Мандрояна — удивительная судьба. Участник сражений с фашистами в Испании, командир отряда французских партизан — «маки», он много раз рассказывал ребятам о своей жизни, о боевых товарищах. На стендах, которые показали ребята на слёте, есть фотографии его отряда, который в Тулонском порту взрывал фашистские корабли...

По просьбе ребят Бениамин Мандрояк привёз на слёт самую дорогую вещь — знамя своего партизанского отряда и здесь решил передать его городу-герою Москве.

Путь к Лукоморью

Юрий КАЧАЕВ

Рис. Л. СМЕХОВА.

— У меня, сынок, просьба к тебе будет. Ты знаешь старца Игнатия?

— Это который на Терском берегу живёт, у Крестовой тони?

— Он самый, — буркнул странник. — Ну а когда ты будешь у Крестовой?

— Дней через пять, — подумав, ответил Сеня. — Если погода не помешает.

— Вот что. — Григорий поднялся с лавки и подошёл к Сене вплотную. — Ты отнесёшь старцу Игнатию несколько божественных книг. Я не говорю, чтобы ты не заглядывал в них сам — всё равно не утерпишь. Но...

Глаза Григория расширились и стали ледяными, а сквозная бородка коснулась лица Сени:

— Но упаси тебя бог или дьявол показать эти книги кому-нибудь! Тогда твой старец Онуфрий увидит небо в крупную клетку, несмотря на свои седины и святость...

Странник сделал из пальцев решётку и посмотрел сквозь неё на Онуфрия. Старец побледнел и глухо сказал:

— Он, конечно, шутит, Сеня. Эти книги — просто толкование библии, ничего в них худого нет. И всё же держи их от чужого глаза подальше. А то ведь сам знаешь: как пить дадут — наплетут, намочалят невесть чего. Ты понял меня?

— Понял, святой старец, и всё сделаю, как ты велишь.

— Вот и хорошо. Теперь слушай: когда придёшь к Игнатию, скажешь ему такие слова: «Кто спасает свою душу, тот теряет её». Игнатий ответит тебе: «Кто отдаёт свою душу за господа, тот обретает её...» После этого вручишь книги. На обратном пути старец передаст тебе узелок с мощами Амвросия-мученика. Береги их как зеницу ока и не развязывай узелок, ибо прикасаться к ним, не осквернив, может только посвящённый. Сделаешь?

— Могу поклясться на библии.

Старец осенил мальчика широким двуперстным крестом, поднял и довёл до двери.

— Прощайте, — сказал Сеня Григорию. Странник в ответ усмехнулся:

— Чего ж прощаться? Надеюсь, ещё свидимся. Не забудь, о чём говорено было.

Сеня молча кивнул и вышел, унося с собой какое-то смутное, нехорошее предчувствие.

Дома он спрятал книги в сарай и пошёл будить Сергея Петровича. Нужно было собираться в дорогу...

Перед дорогой по обычаю посидели молча. Потом Иван Евдокимыч проводил внука и Сергея Петровича за околицу и долго глядел им вслед, пока они не скрылись за поворотом. На душе у старика было невесело. И, может быть, впервые в жизни он почувствовал себя совсем одиноким, таким одиноким и старым, что даже захотелось заплакать.

«А ведь Сенька-то скоро навсегда улетит — думал он. — Чего ему тут делать? Нечего. Да и тебе на земле делать больше нечего. Помирать, старый пень, надо».

Иван Евдокимыч опустил голову и медленно побрёл домой, пытаясь вернуть мысли в привычное русло.

4.

На северо-запад от Поморска уходят рябые жёлтые дюны. Дважды в сутки их накрывает приливами беспокойное Белое море. Оно приносит на берег кучи ракушек и водорослей и острый запах йода. Возвращаясь к себе, море тихо бормочет: «Ш-шу, спешу!»

Сергей Петрович и Сеня ночевали обычно в редких рыбачьих тонях. Сейчас тони пустовали. Но в каждой избушке всё равно лежали сухие дрова, спички, сухари, вяленая рыба и мешочек с солью. Это неписаный закон поморов: оставлять для прохожего человека всё необходимое. Придёт усталый, голодный путник и добрым словом помянет того, кто позаботился о нём, хотя никогда и в глаза не видел.

На ночлег останавливались засветло и вставали с солнцем. Сергей Петрович делал наброски и зарисовки, а Сеня готовил завтрак и учил немецкий. Однажды, подстрекаемый любопытством, он не выдержал, раскрыл свёрток Онуфрия и достал тоненькую книжку в сером коленкоровом переплёте. Книжка называлась «Христианство и современная наука». В ней мелькали цитаты из библии и имена крупнейших учёных, которые верили и верят в бога.

Дальше шли рассуждения о всемирной атомной катастрофе, которая неминуемо разразится, если не сбросить власть безбожников-марксистов.

Перелистав книжку, Сеня задумался. Странно, до сих пор он ни разу не слышал от Онуфрия ничего о политике. Наоборот, старец любил повторять изречение: «Нет власти иже не от бога». А тут на тебе: сбросить безбожников-марксистов! И почему на книжке написано: «Издано в Соединённых Штатах. Филадельфия. Воинство Иисуса Христа»? Как попала к старцу эта брошюра? Может быть, её принёс Григорий? И что это за «Воинство Иисуса»? О такой организации Сеня никогда не слышал. Неужели старец Онуфрий связан с каким-то тайным обществом и давно знает Григория?

В первую минуту Сеня решил было посоветоваться с Сергеем Петровичем, но тут же испугался своей мысли.

«Упаси тебя бог или дьявол показать эти книги кому-нибудь», — вспомнил он слова Григория и его скрещённые пальцы. Нет, нужно выждать до встречи со старцем Игнатием, а там попытаться разузнать, что это за «Воинство» и какое отношение имеет к нему Онуфрий.

Сеня аккуратно завернул книжку, потом развёл под таганком огонь и поставил разогревать консервы. Завтракали тушёнкой и сухарями, найденными в избушке (свой хлеб съели ещё вчера).

...К вечеру они добрались до тони Крестовой. Никакой рыбачьей избушки тут не было и в помине, осталось только название. Над морем догорал рябиновый закат, и на его фоне чеканно чернела старая деревянная часовенка с крестом, выложенным полосными зеркалами. В лучах заходящего солнца крест светился, словно был выкован из раскалённого металла.

Неподалёку от часовни стоял большой пятистенный дом, к нему были приделаны какие-то сарайчики и клетушки.

— Чей это дом? — спросил Сергей Петрович.

— Да ничей. Здесь богомольцы останавливаются. Я прошлым летом тоже ночевал.

Сеня первым поднялся на крыльцо и толкнул дверь. В просторной комнате с бе-

лыми некрашеными полами сидели за столом две пожилые женщины, пили чай. В правом углу на треугольной полочке ярко горела лампа, под нею на широкой лавке лежал богатырского роста человек, на глаза его был надвинут чёрный бархатный картуз. Из-под картуза торчала только пегая клочковатая борода.

Сергей Петрович и Сеня прошли к одному из топчанов, стоявших в комнате, сняли рюкзаки и куртки.

Старца Игнатия они увидели утром. Это был небольшой щуплый человечек с тёмным и морщинистым, как еловая кора, личиком и давно не стриженными волосами. Одет он был в длинную рубаху распояской и потёртые вельветовые штаны. Рядом со старцем стояли женщины, он что-то говорил им, поднимая глаза к небу. Потом старец исчез в часовне и появился с большим медным кувшином, в котором, очевидно, хранилась освящённая вода.

Наполнив туеса, женщины долго кланялись старцу и совали ему деньги, но он отводил их руки. Тогда одна из женщин, Марья, подошла к срубу и, сняв с пальца перстень, бросила его в колодец. Приняв благословение старца, женщины ушли.

— Давай в часовню заглянем, — предложил Сергей Петрович.

Сеня кивнул. Они подошли к старцу и поздоровались.

— Кто будете, добрые люди? — приветливо осведомился старец.

— Художники мы, — ответил Сергей Петрович. — Хотели вот осмотреть вашу часовню. Можно?

— Отчего ж нельзя. Проходите, милости просим.

В часовне было прохладно и сумрачно. Маленькие слюдяные окошки пропускали ребристые столбики света, в которых роились бесчисленные, как мошка, пылинки. Деревянный пол был чисто вымыт и посыпан сосновой хвоей. Никаких фресок и изображений в часовне не было.

— Вы, надо полагать, издалека? — спросил старец.

— Нет, мы из Лебяжьего, — отозвался Сеня. Если бы он посмотрел в этот момент на Игнатия, то увидел бы, как посерело и исказилось от страха лицо старца.

— Ну, пойдём? — сказал Сергей Петрович, тронув Сеню за рукав.

— Идите, я помолюсь.

Сергей Петрович вышел, а старец остался.

— Кто спасает свою душу, тот теряет её, — не оборачиваясь, произнёс Сеня.

— Кто отдаёт свою душу за господа, тот обретает её, — хриплым голосом продолжил Игнатий.

— Я принёс вам поклон от старца Онуфрия.

— Зайди через час ко мне. Я живу в другой половине дома.

Через час Сеня, сказав Сергею Петровичу, что хочет побеседовать со старцем, пил чай у Игнатия. Старец был не в меру суетлив и угодлив, как будто перед ним сидел не четырнадцатилетний мальчишка, а седой патриарх. Передавать Игнатию книги Сеня не торопился, решив сначала выведать всё, что удастся. Но старец всё больше жаловался на нехватки, на здоровье, на плохую рыбалку, которая была главным его подспорьем. И тогда Сеня, вспомнив слова Сергея Петровича, в упор спросил:

— Ну а святой ключ разве не кормит?

— Что ты, господь с тобой! — Игнатий в ужасе вскочил. — Доходы от ключа принадлежат «Воинству»! Разве я посмею что-нибудь утаить для себя? Да меня Онуфрий в один день со света сживёт! На это у них рука длинная.

— Ага, «Воинство Иисуса Христа», — отметил Сеня.

Он расстегнул ворот рубашки, молча достал три одинаковые книжки и положил на стол.

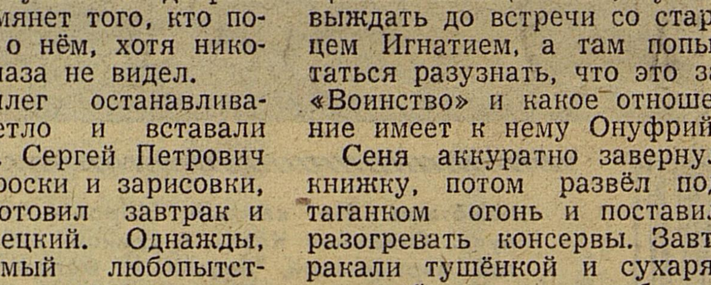
— Опять? — охнул старец. — Да я же по острию ножа хожу! Господи, неужели они этого не понимают! Агитация против власти! — Игнатий трясущимися руками схватил книжки и спрятал в чемодан под кроватью.

— Григорий велел передать: с книжками будьте осторожны.

Сеня совсем не ожидал, что его слова произведут на старца такое впечатление. Игнатий застыл с открытым ртом, на лбу у него выступил мелкий, как просо, пот. Через минуту старец пришёл в себя и вяло опустился на стул, словно из него вынули все кости.

(Продолжение следует)

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» №№ 69—72.



Однажды пришла ко мне моя подруга Надя. Пришла, чтобы обсудить, как получился рассказик, который она написала сама.

Читаю я и вижу, что такой уже был в «Пионерской правде». Слово в слово. Только имена героев другие. И сочинила его Наташа Ильина из Москвы.

— Ты же это списала! — говорю я Наде.

Она отвечает с усмешкой:

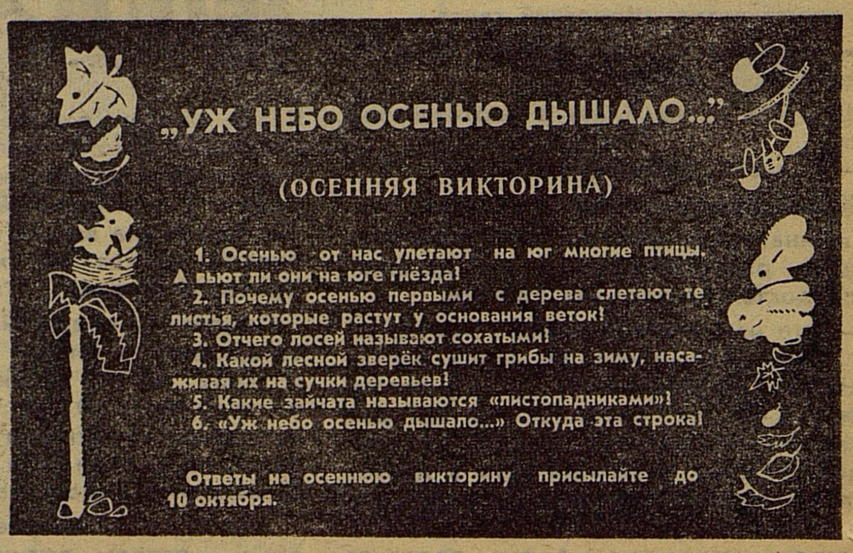
— Не списала, а переделала. И вообще то было напечатано давно. Мой рассказик — и всё!

И она никаких объяснений слушать не захотела. Обиделась и ушла.

Я подумала: а если не только Надя, но и другие ребята напишут такие «рассказики»? Это же обман. И даже хуже. Это всё равно что кража. Кто-то трудился, сочинял, а его рассказ взяли и присвоили себе. Стыдно и нечестно быть таким «сочинителем».

Таня ХИЛЬМАНОВА.

г. Тирасполь.



А—15125. АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон для справок: Д 1-15-00, доб. 2-38. Индекс 50101 Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 1974. Редактор Н. М. ЧЕРНОВА